

Татьяна Андрианова

**ЭЛЬФЫ ДО ДОБРА НЕ ДОВОДЯТ
ЗА ЧТО НЕ БЕРУТСЯ ДАЖЕ ДЖИННЫ
БЕЗОБИДНОЕ ХОББИ
ХРЕНОДЕРСКИЙ ПЕРЕПОЛОХ
И ГРЯНУЛ В ХРЕНОДЕРКАХ ГРОМ...**

Трилогия

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ВЕДЬМА!»

**ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ВЕДЬМА!
ЭЛЬФ ВЕДЬМЕ НЕ ТОВАРИЩ
ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ЭЛЬФА**

Татьяна Андрианова

И зрянул
в Хренодерках зром...

Роман

Москва, 2015
 АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А65

Художник
В. Успенская

Андрианова Т.
А65 И грянул в Хренодерках гром...: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 312 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1961-6

Тяжело выдать ведьму замуж, особенно если сама она этого не хочет. Даже если она красива и с хорошим приданым, устроить личную жизнь ей ничуть не легче. Да и как наладить отношения с отшельницей, обитавшей в полном нежити Безымянном лесу и которая по случайности была принята за мертвую и даже похоронена за оградой местного кладбища?! Со всеми почестями, разумеется, но кому от этого легче? Уж точно, не самой ведьме. Да еще и избушку ее хотели спалить. Ну и как теперь идти к обозленной девице с простой просьбой вызвать весенний дождь, чтобы полить посевы? Но хренодерчане вовсе не такие люди, чтобы чего-нибудь да не придумать. И решение нашлось. И грянул в Хренодерках гром...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Татьяна Андрианова, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1961-6

ПРОЛОГ

Рыжая Льесса натужно кряхтя тащила непомерно большую тушку гуся. Усекновенная птица успела нагулять за урожайное лето вес, но несмотря на это, вовсе не была неповоротлива, и обернувшейся лисой девочке пришлось почти сутки провести окрест гусяного озера, прежде чем наконец ей улыбнулась удача. Конечно, строгая мама станет ругаться, когда Льесса вернется домой. Но она покажет родительнице добычу, гордо похвастается обретенным обликом. Мама обрадуется, погладит по рыжим непослушным волосам, и вечером в деревне меняющих облик будет праздник в ее честь. Льессе всего одиннадцать лет, а она уже обрела второй облик. Это очень важно. Мать Медведица говорит, что обретение следующего облика — это как собирать собственную душу по кусочкам, — чем больше кусков, тем полнее мозаика и целее душа. У самой Матери Медведицы, которая старше всех в селе и к тому же шаманка, целых пять обликов. Она может оборачиваться кунницей, волчицей, совой, рысью и, конечно, медведицей. У нее самое большое количество обликов во всей деревне. Никто даже близко не подошел к ее числу, а значит, и душа у нее самая совершенная из всех. Но от старого Бобрика, что жил бобылем на краю села и имел только два облика (бобра и сокола), Льесса слышала, будто в давние времена жили меняющие облик, насчитываю-

щие больше семи ипостасей. Но такого совершенства из их клана не достиг пока никто.

Льесса, стараясь и пыхтя, словно еж, продиралась сквозь кусты. Добыча цеплялась за торчащие тут и там ветки, оставляя на колючках клочки пуха, когда переменявшийся ветер донес до нее страшный запах. Лисичка вздрогнула. Выпустила из пасти гуся, уселась на землю и сторожко принялась. Туша плюхнулась в траву, спугнув кузнечиков, но Льесса не обратила на них никакого внимания, хотя раньше никогда не упустила бы возможности погоняться за прыгучими насекомыми.

Пугающий запах плыл со стороны оставленного вчера села, щекотал чуткие ноздри, готовые разразиться чиханьем. Лисичка пыталась сообразить, что это за запах и почему он заставил насторожиться до испуганного замирания маленького сердечка. В новом облике все казалось удивительно необычным, но дело, наверное, было не в этом, а в том, что одной из составляющих запаха точно являлась гарь. Словно горело что-то сильно и на жарком огне. Но не так, как бывает, когда все жители села собирались возле огромного костра, смеялись, пели песни, жарили мясо, а кто посмелее, ловко прыгали через огонь под аплодисменты. Такой огонь не внушал ни страха, ни ужаса, только веселье. Здесь же веяло такой жутью, что хотелось бежать со всех лап, бросив тушу гуся на произвол судьбы. Но Льесса была не только зверем, но еще и девочкой, и прекрасно знала, что облик может взять верх, например советуя не подходить к человеческому жилью слишком близко. Но это обман. Один из многих. Поддашься раз, поддашься два, и облик заманит, закружит голову и не найдешь дороги домой, останешься зверем лесным или птицей.

Она нервно облизнула ставший вдруг сухим нос и поднялась было на лапы, когда с неба упал сокол. Ли-

сичка испуганно подпрыгнула на месте. Сокол с усилием поднял веки на замутненных близкой смертью глазах и прохрипел:

— Беги!

И она побежала. Она бежала, пока ее лапы не устали, пока сердце не стало колотиться в горле, пока легкие не заболели от напряжения, затем упала и ползла. А когда сознание уже грозило покинуть маленькое измученное тело, забились в самую глубину разросшихся кустов боярышника и только тогда скользнула в благословенное беспамятство.

ГЛАВА 1

Магистр боевой магии Вешил въехал в город Большие Запруды ранним весенним утром. Утренняя зорька была еще по-весеннему холодной, но в воздухе все ощутимей пахло набухающими почками, свежестью первой травы, робко пробивающейся сквозь черную землю. Ростки упорно тянулись к солнцу, еще не такому жаркому, как бывает летом, но уже дарящему жизнь. Уставший за время долгого пути конь настойчиво тянул к ближайшей харчевне. Вешил вовсе не собирался мешать благородному животному (чье благородство было труднодоказуемо, так как родословной гнедой не имел и вообще был приобретен по случаю), его думы тоже склонялись к короткому отдыху, чистой по возможности постели и обязательно сытной кормежке как для себя, так и для коняги.

Большие Запруды назывались так из-за трех больших запруд, где откармливалась, вылавливалась, а затем солилась, вялилась, коптилась рыба. Стойкий запах рыбы (свежей и не очень), чешуи, внутренностей и прочих продуктов рыбного производства, казалось, напроць пропитал все: дома, жителей, собак, кошек, мышей, землю, пролетающих мимо птиц, лошадей и сам воздух. По берегам запруд стояли лодки, сушились сети, бегали, шлепая босыми ногами по холодной воде, дети. Каждая семья гордилась своим особенным посолом, и рыбой из Больших Запруд не брезговали знатные

семейства Рансильвании. И даже король не гнушался употребить парочку копченых лещей или хорошо проявленную тарань под кружечку холодного, настоящего на особых травах пива. Хотя Вешил и сам весьма охотно закусывал пенный напиток вкусной рыбкой, но запах такой концентрации способен выбить из седла и менее привередливого человека.

— Хорошо, что я маг, — пробормотал мужчина и сотворил заклинание, отключающее обоняние.

Странное ощущение — не чувствовать запахов вообще, но теперь хотя бы не воняло. А как известно, из двух зол выбирают меньшее.

— Эй, любезный! — остановил он куда-то деловито спешащего горожанина. — Есть здесь трактир поприличней, да чтобы насекомые не заедали постояльцев до смерти?

«Любезный» притормозил, задумчиво почесал давно не мытый затылок и бросил на приезжего такой выразительный взгляд, что магу пришлось отжалеть информатору пару медных монет на кружку пива. Вдохновленный мздой горожанин тут же радостно сообщил, что лучшего пива, чем в «Веселом леще», господин маг отродясь не пробовал, а уж лещей там готовят так, что пальчики оближешь. И даже вызвался проводить до самых дверей, если добрый господин спонсирует его еще одним медяком. Вешил сильно сомневался, что такие грязные, как у прохожего, пальцы стоит облизывать, но монетку дал, справедливо рассудив, что самостоятельные поиски трактира займут массу сил и времени, а гнедого хорошо бы подковать: передняя левая подкова потерялась, а задняя правая держится на честном слове кузнеца, которому на обратном пути следовало бы набить морду. Если кузнечных дел мастер рассчитывал на безвременную кончину Вешила в Безымянном лесу, куда он держал свой путь, то зря надеется, он чисто из

принципа переживет всю нежить, в изобилии гнездящуюся там.

«Веселый лещ» оказался довольно приличным заведением, если не обращать внимания на живописно разложенных у порога сомлевших посетителей. Ну не рассчитали ребята своих сил, пусть подышат свежим воздухом — в себя придут, значит. На вывеске красовался живописно намалеванный на диво пучеглазый лещ, танцующий на хвостовом плавнике прямо на сковородке, передними плавниками жизнерадостная рыбина держала огромную кружку пенного напитка. Видимо, лещ до своего запечатления неизвестным художником успел принять не одну емкость внутрь, ибо как еще объяснить радостную пляску на сковороде.

В полумраке трактира прохлаждались три посетителя. Все трое пристроились в самом дальнем углу, нороя прикрыться внушительными кружками пива, и дружно вздрогнули, когда маг вошел внутрь. Из чего Вешил сделал вывод, что об их задушевном заседании вот-вот прознают супруги, вооружатся скалками и придут, дабы водворить отбившихся от рук благоверных обратно к семейному очагу. Внушительного вида хозяин, который вполне мог работать и вышибалой, экономя деньги семейного бизнеса, вольготно расположился за барной стойкой и лениво протирал полотенцем и без того чистые кружки. Зрелище весьма порадовало прибывшего мага. Далеко не в каждом заведении можно рассчитывать получить напиток в чистой посудине.

— Здоровы будьте, честная компания! — вежливо приветствовал Вешил присутствующих, памятуя, что лишней вежливостью не бывает, тем более в трех днях пути от Безымянного леса.

Перед тем как выдать ему задание для практической части диссертации на получение степени архимага, посвященной Безымянному лесу и богатому разнообра-

зию нежити, проживающей в нем, глава совета магов Нилрем подробно описал соискателю дикие нравы глубинки. В окрестных селениях нежитью никого не удивишь, ее, почитай, каждый день хоть кто-то, но встретит, а вот маги заезжают не часто и еще реже покидают «гостеприимные» места целыми и невредимыми. Кто виноват в сложившейся ситуации, так сразу и не разберешь. То ли маги оказались слишком самонадеянны и не рассчитывали сил при встрече с лесными обитателями (а нежити предъявлять претензии нереально, потому как в большинстве своем к ней относятся необразованные твари, которые магов почитают за изысканный деликатес). То ли местное население, не избалованное вниманием столичных властей, ошибочно принимало колдунов за вредителей, гораздых только порчу наводить да выманивать нечисть из нор и злить ее почем зря.

— И тебе не хворать, — откликнулся владелец заведения, не отрываясь от своего занятия.

Троица мужиков насторожилась, явно ожидая от мага любой каверзы. Вешил спокойно прошествовал к стойке, готовый в любой момент занять оборону.

— Мне нужна комната на ночь, а также хороший кузнец, подковать лошадь. Найдется в городе такой умелец?

Серебряная монетка соблазнительно звякнула о полированное дерево стойки под жадным взглядом посетителей. Маг оглянулся; мужички хмуро уставились в собственные кружки, словно именно в них заключался единственный смысл их жизни, но он их совершенно не радовал.

— Есть такой. Как не найтись? — Голос хозяина «Веселого леща» стал более благожелательным, видимо, серебро смягчило его сердце.

То, что необдуманно демонстрировать наличие серебра местному населению было большой ошибкой,

Вешил понял не сразу, а когда рекомендованный гостеприимным хозяином «Веселого леща» кузнец затребовал за услуги непомерную цену и сбавлять ее отказался напрочь. Маг скрипнул зубами, но предложенную цену заплатил и даже не пригрозил распоясавшемуся умельцу карой в виде проклятия. Нилрем недвусмысленно предупредил магистра, что на местное население угрозы если и действуют, то практически всегда выходят агрессору боком. Жрецы с магами никогда не ладили, а в удаленных селениях служители Всевышнего пользуются огромным авторитетом, и зарвавшийся маг мог запросто быть выброшен за околицу, как нашкодивший щенок. А ему не только отдохнуть, но и провизию прикупить в дорогу надо. Вешил мог бы поискать другого кузнеца, только в Больших Запрудах он был один, а до ближайшего села три дня пути. На хромой лошади и вся неделя уйти может.

Но неприятности на этом не кончились. Хотя следующее утро началось на диво замечательно. Солнце выползло из-за горизонта и собиралось рассияться вовсю, обещая ясный денек. Мастер-кузнец, содравший за каждую подкову по три серебряные монеты, дело свое знал, и подковы выглядели так, словно способны пережить самого коня по крайней мере вдвое. Вешил тяжело вздохнул, взнуздal четвероногого друга, уложил в седельные сумки немудреные пожитки, кое-какую снедь, прикупленную в дорогу в трактире. Хотел шлепнуть по заду смазливую подавальщицу, но встретил суровый взгляд ее отца и передумал. Девчонок много, и там, куда он едет, наверняка найдется парочка стоворчивых, а в Запруды ему еще на обратном пути заехать придется, и неизвестно, в каком состоянии он будет пребывать после посещения Безымянного леса.

День перестал быть хорошим, когда, покинув относительно гостеприимный городок, конь, мерно протру-

сивший по наезженной, но практически безлюдной дороге весь день до самых сумерек, получил арбалетный болт в бок, взвизгнул и тяжело завалился на землю. Вешил спрыгнуть не успел, зато смог запустить магическим фаерболом в сторону, откуда, как ему показалось, стреляли. Раздался мощный взрыв, чьи-то вопли боли и ярости, и маг злорадно решил, что попал. Радовался он рано. Хотя действительно попал, и сомнений в этом теперь точно не было. Вылезти из-под бьющейся в предсмертной агонии лошади он не мог, оставалось вполглаза следить, чтобы не огрести свежеподкованными копытами и плести заклинание одновременно. «Эх! Только зря деньги потратил!» — тоскливо подумал он, но особо огорчаться было некогда.

Местные разбойники тоже оказались не лыком шиты и перед нападением на мага успели подстраховаться. Из кустов вывалилась дюжина мужиков, судя по зверскому выражению их лиц, с намерениями очень серьезными и далекими от радостных воплей: «Добро пожаловать, господин маг! Отведайте нашего хлеба-соли!» Да и в руках мужички крепко сжимали разнообразные арбалеты, пики, сабли и дреколье, что с караваном не перепутает даже убежденный оптимист. Вешил не стал ждать, когда решительно настроенные люди подойдут поближе и предложат сделать добровольное пожертвование в фонд «сырых и убогих, волею судеб проживающих в лесу в нечеловеческих условиях», и запустил в них полусформированным заклинанием, рассудив, что оно взорвется по-любому, просто результат взрыва непредсказуем, но так даже интереснее.

Как ни странно, нападавшие вовсе не убожились и даже не расстроились. Они шустро спрятались за широкой спиной особо крупного мужика, чья давно не бритая физиономия страшно перекосилась в улыбке, явив на обозрение изрядно прореженные в многочисленных

драках зубы. Заклинание мощно ударило чересчур жизнерадостного разбойника в грудь, подмяло хитрецов, укрывшихся за ним, проволокло по земле метров двадцать и звучно впечатало в дерево.

«Повезло!» — ошалело подумал обладатель широкой груди и антимагического амулета, закатив глазки и сползая по шершавому стволу сосны.

Дерево покачнулось и с душераздирающим скрипом рухнуло, потянув за собой группу социально опасных мужчин.

«Досадно! Такое заклинание пропало!» — сплюнул маг и удвоил попытки выбраться из-под гнедого.

Если бы не талисман, выигранный в кости после прошлого ограбления мага, оставшихся разбойников разметало бы на несколько метров вокруг, прервав тем самым их многолетнюю карьеру на ниве грабежа. Но, видимо, Всевышний в милости своей решил дать грешникам еще один шанс исправиться и ступить на путь покаяния. Только нападавшие отчего-то не спешили вступать на спасительный путь раскаяния, вместо этого вскочили на ноги, отряхнулись, как стая дворовых собак, взревели и пошли в наступление.

«Это конец! — обреченно подумал Вешил. — Но хрен я вам достанусь, с собой парочку точно прихвачу».

И стал плести еще одно заклинание, сильное и действенное. Оно грозило лишить его практически всего магического резерва, но зато давало мощный взрыв, способный уничтожить все вокруг.

В это время за спинами нападавших раздался дикий рев, и из-под поваленной сосны выскребся ящер размером с телка. Разбойники вздрогнули. Ящер зашипел и кинулся на них с прытью, невероятной для такого неуклюжего существа. С ощеренных клыков на землю с шипением падала ядовитая слюна.

— Ух ты! Плаксикус придорожнус! — искренне вос-

хитился магистр. Он перестал плести заклинание, извлек из седельной сумки перо, кусок пергамента и принялся строчить со скоростью самописного пера, приговаривая вслух: — Та-а-ак... Плаксикус придорожник — нежить из семейства ящеровидных. Селится преимущественно по обочинам проезжих дорог и нападает на одиноких путников. В зубах нежити содержится яд, не только умертвляющий свои жертвы, но и способствующий преобразованию внутренних тканей в студенистое вещество, годное для последующего пищеварения. После укушения жертвы ящер способен идти следом несколько часов, пока жертва не лишится сознания. Преследуя добычу, Плаксикус придорожник издает плаксивые всхлипывания, отпугивая возможных конкурентов. В простонародье же нежить получила название Подкустовый выползень, так как преимущественно выползает из кустов. Встреченный мною довольно крупный экземпляр... та-а-ак... А какого же он размера? — покусывая кончик гусиного пера, спросил маг.

— А-а-а-а! — бодро откликнулись разбойники, в ужасе ломаясь через кусты.

— Ну вот как с такими работать? Надо было сначала измерить, а уж потом убегать. Я бы им и рулетку дал, — тяжело вздохнул Вешил. — До чего же местное население невежественное. И с этими людьми приходится двигать науку вперед! Однако надо бы выбирать. Как бы еще кто-нибудь не пришел.

И как в воду глядел. Плаксикус придорожник немного погонял разбойников по кустам и полям да вернулся. Оно и понятно. Бегать за удирающей со скоростью бегового зайца добычей не так интересно, как употребить практически обездвиженного на дороге путника. Ящер вылез из кустов тихо и неожиданно для монстра подобных размеров — сказывалась многолетняя тренировка. Вешил вздрогнул, до него только что

наконец дошло, что он почти неподвижен, а нежить уже проявила недюжинные способности к бегу на короткие дистанции. Маг забился под лошадиной тушей, как раненая птица со стрелой в крыле. Плаксикус не стал дожидаться исхода бестолковых трепыханий, рассудив, что сожрать лошадь вместе с всадником всяко лучше, чем просто лошадь, раззявил зубастую пасть и бросился в атаку. Мужчина плотно прижался к издохшему коню, и опасные зубы нежити прошли в нескольких миллиметрах от его головы и взрыли землю. Комья полетели во все стороны, из пасти монстра пахнуло такой несусветной вонью, что Вешил едва не задохнулся, горько пожалев об опрометчивой отмене заклинания против запахов.

— Ну и вонючка же ты! — борясь с рвотными позывами, выдохнул он и из последних сил рванулся к седельной сумке, к рукояти любимого меча.

Клинок был дорог и в магическом и в материальном смысле. В закаленную в горне горных гномов сталь вплетались заклинания на уровне сердечника. Маг-заклинатель расстарался, вложив, помимо основного заклятия против разрушения, еще и заклинания против нежити, да еще и самозатачивание. Такой клинок стоил баснословно дорого, а у Вешила еще и передавался по наследству. В бедре что-то хрустнуло, нога отозвалась дикой болью, в глазах появились круги, но слабеющие пальцы все-таки сжались на вожденной рукояти и что есть силы рванули меч к себе. Ящер разочарованно взревел и кинулся вновь. Хитроумная рептилия на сей раз решила цапнуть беззащитную ногу, лежащую на боку гнедого. Ее-то точно спрятать не удастся. Замерший в ужасе маг умудрился-таки дернуть конечность в сторону, и монстр с противным треском раздираемой плоти погрузил зубы в конскую тушу. Совершенно позабыв о том, что Плаксикуса можно убить, только попав

ему копьем либо мечом в глаз (в такие моменты как-то не до воспоминаний о лекциях по монстроведению), маг ткнул ревущему и брызжущему ядовитой слюной выползнию лезвием в нос. Клинок со скрежетом соскользнул с бронированной морды. Маг смачно выругался и добавил хорошего пинка.

— На, гад! Получи!

«Гад» расстроился еще больше. Зубы монстра увязли в туше, он мотал головой как собака, схватившая слишком большую кость и не желающая с ней расставаться, моргал желтыми глазами с змеиными вертикальными зрачками и утробно рычал. На Вешила снизошло озарение.

— О! Как это я мог забыть?! — шлепнул рукой по лбу он. — Плаксикуса придорожного можно убить только в глаз.

И стал тыкать уже более целенаправленно.

Монстр зашипел, собрался с силами, уперся четырьмя лапами и хвостом, взрыл землю и единым мощным рывком стащил злополучное животное с мага. С влажным хлюпаньем извлек увязшие зубы (часть, правда, осталась в туше, но тут уж было не до пересчета), распахнул бездонную пасть и бросился к ошеломленному Вешилу, явно намереваясь добить подранка. Маг попробовал отползти, но не преуспел и сделал единственное, что пришло в голову — выставил вперед руку с клинком. Зубы твари почти сомкнулись на руке мужчины. Ему повезло, можно сказать, впервые за этот день — рука попала на место, где зубы оказались выдранными (даже после смерти конь продолжал служить хозяину), и меч погрузился в беззащитное небо монстра. Яд вперемешку с кровью потек по руке, обжигая кожу. Предсмертный вопль монстра заглушил вопли самого мага. Подкустовный выползень встал на дыбы, молотя когтями воздух и безуспешно пытаясь выта-

щить меч из раны. «Не забыть записать... Рот Плаксикуса придорожного уязвим, и его вполне можно убить, воткнув меч в верхнее небо и поразив при этом мозг. Но лучше все-таки использовать для этих целей копье», — подумал Вешил. Последнее, что он увидел, прежде чем потерять сознание, — это огромная туша монстра, неотвратимо надвигающаяся на него...

Сарат неторопливо трусил по дороге из Больших Запруд в родные Хренодерки на широкой спине сивого мерина. Конягу звали Мальчик, хотя эта кличка была дана ему примерно лет пятнадцать назад. Теперь же животное находилось на заслуженном отдыхе и годилось только для зимнего подвоза хвороста или бочки для полива капусты на огородах. Из-за абсолютного спокойствия мерина его запросто давали для работ даже детям, потому что испугаться и понести этот флегма в принципе не мог, а такой аллюр, как галоп, давно почитал недостойным своей почтенной особы.

Но все когда-то бывает в первый раз. Эту простую истину Сарат благополучно позабыл, горестно размышляя о том, что в родном селении все мужчины отправились в поход на нежить, нагло испортившую знатные поминки по ведьме. А сама ведьма умудрилась покинуть место своего захоронения и наделить огород хренодерского головы дивными посадками хрена, чьи корни не всякий мужчина обхватить сумеет — длины рук не хватит, да и прослезится, конечно, тоже. По всему видно, события в Хренодерках назревали интересные, времена наступали беспокойные. Тут бы парню проявить себя с лучшей стороны, покрыться славою геройскою с ног до головы, тогда, глядишь, и голова смягчился бы и благословил свою старшую дочку Доненьку за него замуж. Только вот сам хренодерский голова Панас Залесский вовсе не стремился породниться с бедным парнем, чье состояние истощалось парой

облезлых кур да почтенного возраста петухом. К тому же мужчина оказался злопамятен и вовсе не забыл, как водил парней сватать ведьму Светлолику, но те не только не очаровали лесную отшельницу, но и обозлили ее до крайности.

Тягостные думы парня были самым предательским образом прерваны нервным визгом внезапно вздыбившегося коня, узревшего проползавшую через дорогу гадюку. Не ожидавший такого финта от еще минуту назад еле передвигавшего копыта мерина Сарат удивленно подпрыгнул на месте, полностью позабыв, где находится, и грохнулся вниз в дорожную пыль, пребольно ударившись копчиком о землю. Сивый Мальчик, благополучно позабыв о своих почтенных летах, сделал скачков пятьдесят, неприлично вскидывая зад, но вспомнил, что он все-таки представитель благородного конского племени, затормозил и степенно принялся щипать траву, словно ничего не произошло. А парень на дороге сидит... Ну мало ли чего на дороге валяться может. Не на все же обращать внимание следует, хотя некоторые вещи лучше все-таки обойти.

— Ах ты, волчья сыть, травяной мешок, зараза сивая! Ты чего, паразит, надумал брыкаться?! — искренне возмутился Сарат лошадиным произволом.

Мальчик повел ухом в сторону незадачливого всадника и отвернулся, рассудив, что такие грубые слова просто не могут относиться в его адрес. Пришлось парню подниматься на ноги и отправляться ловить свой транспорт. Обидно, а что делать? Не сидеть же в пыли весь день. Сарат потянулся, проверяя целостность костей и суставов, побил руками по льняным порткам, отчего они чище все равно не стали, погрозил наглой скотине кулаком и возблагодарил Всевышнего, что не сломал и не вывихнул чего-нибудь. На дороге, как на грех, никого нет, и помочь ему было бы некому. С другой

стороны, в безлюдности пути тоже есть свои преимущества — свидетелей позорного падения тоже не было.

Сарат двинулся к коню. Животное покосилось в его сторону, как показалось парню, довольно злорадно, и сделало несколько шагов в сторону живописного луга. Мол, дороги людьми построены, сами по ним и топайте. Мне же и тут неплохо, а дальше и трава гуще будет.

— Но-но! Не балуй! — на всякий случай пригрозил мерину Сарат, но не сильно усердствовал.

Коняга передвигается гораздо быстрее, чем человек, чуть припустит — и ищи ветра в поле. Мальчик обернулся к незадачливому всаднику, затрепетал белесыми ресницами, как девица на выданье, увидев хромого, жутко косящего жениха, презрительно фыркнул и сделал пару шагов дальше. Сарат стиснул челюсти до зубовного скрежета, выдал «ласковую» улыбку, способную испугать медведя, протянул руку в сторону мерина и тихо, чтобы не спугнуть, принялся красться к нему. Конь оказался не промах, в благие намерения не поверил и прошел еще дальше. Парень глубоко вздохнул, успокоил себя, представляя, как бьет пятками злосчастную скотину, и осторожно двинулся за ним. Так они шли некоторое время, и неизвестно, где встретили бы утро следующего дня, если бы мерин чисто случайно не наступил на собственные поводья и не совершил вынужденную остановку. Парень не растерялся, тут же коршуном налетел на запутавшийся повод.

— У-у-у! Попалась, скотина безрогая! Вот я тебя! — замахнулся на мерина.

В ответ сивый удивленно захлопал глазками «О! И ты здесь? И как я тебя раньше не заметил?» Бить после этого конскую морду, пусть и очень хитроумную, тут же расхотелось. Сарат все же строго пригрозил для профилактики зловредной животине кулаком и осед-

лал коня. Мальчик издал глубокий мученический вздох, обернулся на всадника с укоризной во взоре, мол, на тебе пахать можно, а у меня спина уже болит, слегка прогнулся в позвоночнике для особой убедительности и тронулся в путь, неторопливо и размеренно переставляя копыта.

Но уехали они недалеко. Сначала из-за очередного поворота показалась какая-то бесформенная куча, которая при ближайшем рассмотрении оказалась дохлой, распотрошенной лошадью, чей остекленевший взгляд с немым упреком уставился в голубое весеннее небо. Мальчик испуганно всхрапнул и загарцевал на месте, словно боевой конь в ожидании сигнала атаки от трубача. Вряд ли даже в далекой молодости мерин с такой страстью высоко вскидывал ноги. Держал хвост на отлете, храпел и закусывал удила. Сарат прекрасно понимал, что целая конская туша поперек дороги примета на порядок хуже, чем десяток черных кошек, важно прошествовавших прямо перед носом за бабой с пустыми ведрами. Да и страшные раны на боках свидетельствовали о хищнике приличного размера. С другой стороны, монстр вполне мог откусать и отправиться на боковую; греется на солнышке, переваривая сытную трапезу. В конце концов, на просторах Рансельвании не так много зверей, способных употребить лошадь целиком, разве что драконы. Но они обитали в горах и редко показывались окрест Больших Запруд.

Поэтому Сарат решил продолжить свой путь в родное село. И так задержался в дороге. Старый мерин всяко лучше путешествия на своих двоих, но Мальчик переставлял ноги со скоростью чуть большей, чем обычный пешеход. Что, конечно, не могло радовать нетерпеливого парня, чье отсутствие в селе могло отрицательно сказаться на постоянстве чувств невесты. В итоге парень предпочел спешиться и некоторое время повести

испуганного мерина в поводу, так как заставить прошествовать мимо принявшего насильственную смерть сородича сидя верхом все равно не сможет.

Сарат крепко уцепился за повод (не хватало еще, чтобы конь вырвался из рук и малодушно показал хвост) и потянул отчаянно сопротивляющегося коня за собой. Мальчик храпел, фыркал, танцевал на месте, но после пятнадцати минут уговоров сдался и медленно тронулся следом. Парень утер рукавом пот, размазывая густо налипшую дорожную пыль по лицу, и глубоко с облегчением вздохнул, чего, как оказалось, делать не следовало. Тошнотворная гнилостная вонь тут же наполнила молодые легкие до краев, вызывая рвотные позывы в желудке такой силы, что аж глаза заслезились. Парнишка закашлялся и прибавил шагу. Мерин был другого мнения, торопиться в неизвестность явно не собирался и снова упрямо уперся всеми четырьмя ногами, словно упрямый осел, завидевший опостылевший мельничный жернов. Парень выругался, но спорить с животным себе дороже — больше времени потеряешь. Поэтому страшное место обогнули по широкой дуге и, выйдя на дорогу чуть дальше, обнаружили зловонную тушу издохшего выползня, пригвоздившего своей тяжелой головой какого-то бездыханного бедолагу. Парень произнес краткую молитву Всевышнему, жалея, что не очень часто посещал в родных Хренодерах храм и вообще пустился в путь, в грехах не покаявшись, а в дороге, как известно, случиться может что угодно. «Хоть бы иконку какую взял или склянку со святой водой», — закручинился он. И в это время раздался исполненный муки стон.

От неожиданности парень и мерин дружно подпрыгнули на месте, явив собой редкое единодушие коня с всадником. Сначала Сарат подумал, что звук издал недобитый монстр, решил было задать стрекача и даже

пробежал шагов пять, когда тихо, но весомо прозвучали слова:

— Помогите мне... Я маг... прислан к вам... отблагодарю.

Сарат затормозил так резко, что Мальчик смял и опрокинул его в пыль. Надо отдать должное пареньку, поводев он и лежа не выпустил. Подозревая, что на сей раз коняга небольшой прогулкой не ограничится, а дунет сразу до села, не теряя времени на остановки. Мерин честно проволок своего незадачливого всадника метров пять, но потом то ли ему стало неудобно, то ли просто надоело везти парня волоком, но конь остановился, всхрапнул пару раз для порядка и принялся пощипывать молодую короткую травку на обочине. Вопреки своему характеру, парнишка даже не стал костерить своенравный копытный транспорт. Он лежал в пыли, даже не пытаясь подняться на ноги, и мучительно размышлял, как же следует поступить теперь.

Хренодерский парень посещал Большие Запруды не для праздной экскурсии, а был командирован жрецом Всевышнего отвезти в местный храм записку о появлении в селе подозрительных личностей, одна из которых нагло назвалась боевым магом из самой столицы, а другая вообще была оборотнем в волчьей ипостаси. А еще местную ведьму похоронили, и она чудесным образом воскресла, вылезла из собственной могилы и заявила к местному голове, чтобы наделить его огород замечательным урожаем хрена. Но Сарат никак не ожидал, что служитель Всевышнего в храме Больших Запруд окажется настолько скор в решении проблем и умудрится вызвать настоящего мага в столь сжатые сроки.

Магов побаивались, трепетали перед ними, но звали только в крайнем случае и активно не любили. Во-первых, потому, что даже самый плохонький маг имелся только в больших городах, а Запруды до такого недотя-

гивали. Особо зажиточные купцы, приезжавшие с караваном закупать местную рыбу, предпочитали нанимать мага для охраны в складчину и даже возили с собой лари с магическим льдом, чтобы рыба не портилась. Такие лари для обычного жителя являлись настоящей диковинкой. Обычный ледник, почитай, в каждом уважающем себя доме был. Рыли глубокий погреб и зимой забивали в него лед с реки. В хорошем погребе лед до осени не истаявал до конца и продукты не портились. А во-вторых, даже за самую пустячную услугу мага драли втридорога и цен не сбавляли.

— Ох ты, лишенько! — испуганно пролепетал Сарат, представляя выражение лица Панаса, когда он расскажет, что присланный в помощь маг погиб, даже не проехав треть пути к Хренодеркам.

Наверняка зловредный голова поспешит спихнуть всю вину на несчастного парня, хотя он-то к лиходейству монстра не имел никакого отношения и всего лишь разминулсЯ с приезжим. И то лишь потому, что Мальчик — животное надежное, но очень медленное. А у мага наверняка конь быstroногий был, но даже это не спасло несчастного от постигшей его ужасной кончины. Впрочем, если немного поразмыслить, в этом можно найти и положительную сторону — ехал бы ровень, лежали бы вместе. А так Сарат цел, невредим и при лошади.

— Эй! Ты еще жив? — на всякий случай поинтересовался парень, крепко помня, что от ведьм запросто можно огрести любых неприятностей, а маги — они еще зловреднее будут.

Мужик захрипел, завозился под тушей ящера, из чего хренодерчанин сделал неутешительный вывод, что тот все еще цепляется за жизнь. Связываться с магами себе дороже, но в данном случае маг мог оказаться злокозненным и выживет чисто из вредности. Чтобы потом ис-

портить жизнь не оказавшего помощь селянина. «Придется помогать», — затосковал Сарат, кляня себя, что угораздило задержаться в Больших Запрудах, дабы прикупить невесте вкусной вяленой рыбки. Очень уж Донежка ее уважает. А такой рыбки ему нигде больше не купить. С тяжелым вздохом обреченного на смертную казнь, которому еще до помоста с виселицей предстоит тащиться под проливным дождем, как будто и без того мало неприятностей, Сарат привязал Мальчика к растущей на обочине березке и отправился к пострадавшему.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что для того, чтобы сдвинуть тушу ящера, усилий одного человека маловато будет. Сарат пыхтел, упирался ногами, но не преуспел. Пришлось привлекать к делу Мальчика, который, ясное дело, в восторг от транспортируемого монстра не пришел. Это неудивительно. Редко кому нравится опутываться веревкой и тянуть за собой волоком этакую страшилую. Мерин храпел, пытался ударить по туше задними ногами, но веревочные узлы парень вязал на совесть; пришлось смириться со своей участью и идти куда скажут.

Маг представлял собой жалкое зрелище. Весь в ранах и кровоподтеках, кое-где наружу торчали обломки костей, на судорожно сжимавшей рукоять меча руке кожа висела ключьями. Непонятно каким чудом душа все еще цеплялась за поврежденное тело. И какое волшебство поможет Сарату отвезти полумертвого мага в Хренодерки? Что мужчине вполне можно доставить в Большие Запруды и они гораздо ближе, хренодерчанин отчего-то не догадался. Не догадался он и извлечь фамильную гордость мага — клинок гномьей ковки, который попросту не заметил в изуродованной пасти поверженного выползня. Как и не стал собирать разбросанный по дороге скарб, в котором присутствовали дорогостоящие амулеты.

ГЛАВА 2

Вяз Дубрович — леший известного на всю Рансильванию наличием большого разнообразия нежити Безымянного леса — задумчиво созерцал встречу местной ведьмы Светлолики с волчьим тотемом. Встреча происходила, как и положено, ночью, при полной луне, на тайной поляне. Одной из тех, что тщательно скрывались от взоров непосвященных в глубине леса. Заповедных полян осталось очень мало. Их давно стугбили люди, повадившиеся использовать как источники магической энергии все доступные места. Грубое вмешательство в хрупкое равновесие, складывающееся веками, быстро нарушало сложившийся баланс, и магические жилы подобного рода быстро иссякали, приходили в упадок или, что еще хуже, начинали работать наоборот, тянуть из окружающего пространства магию, как в бездонную воронку.

На обласканной ярким серебром лунного света поляне, с дольменами и танцующими древний танец светлячками, царил торжественная тишина. Хрупкая девушка среди огромных монолитов казалась особенно нереальной, как и беседа с серебряной светящейся волчицей, которая спокойно стояла рядом, положив лобастую голову на плечо Светлолики. Здоровенный серый вервольф в компании белой и черной вервольфиц смирно сидел в некотором отдалении, чтобы не мешать свободному общению, но встать на защиту, если такая понадобится.

Вяз Дубрович являлся не единственным наблюдателем редкой сцены. Вожак местных двуипостасных Олек, находясь в своем зверином обличье, с невыразимым благоговением смотрел, как Светлолика, оказавшаяся ведьмой, меняющей облик, знакомится с тотемом. На вершине дерева задумчиво восседал Валсидал

Алукард, только на днях сбежавший из замка-тюрьмы Сартакля. Пусть весь род вампиров официально считался истребленным, это вовсе не мешало магической элите держать последних, некогда гордых представителей племени кровососущих в антисанитарных условиях тюремных камер. Сартакль славился тем, что за тысячелетнюю историю замка никто из опасных узников замка так и не смог совершить побег. Валсидал оказался первым, кому это удалось, и что вызвало озабоченное волнение в совете магов.

— Ты вот что... — Леший хлопнул оборотня по холке, чтобы он точно знал, что обращаются к нему, заставив Олека присесть от неожиданности и удивленно крикнуть. — Поохотился бы, что ли. Сварил девке супчик какой... Ну или картошечки с мясом потушил. Насколько мне известно, разговор может затянуться, а потом меняющие облик такими голодными становятся, жуть. Аж сам порой пугаюсь.

Вожак двуипостасных не имел обыкновения быть на побегушках у кого-либо. Но, во-первых, лешему хамить себе дороже. Убивать Вяз не станет, а жизнь испортит на диво. Во-вторых, Олек имел на девицу брачные планы, правда, сама невеста пока не была в курсе намерений. Двуипостасный мудро решил не ошарашивать Светлолику внезапным счастьем, а подвести к разговору осторожно, не травмируя нежную психику столь радостным известием. Нужно ведь сначала поухаживать, приучить девицу к мысли, что брак с двуипостасным имеет свои преимущества и поставка свежей дичи к столу не последнее из них. Поэтому вместо того, чтобы огрызнуться, злобно клацнуть зубами и заявить, что он не охотничья собачка, приносящая дичь по первому требованию, а уважающий себя вождь сообщества двуипостасных, Олек кивнул и с тихим шорохом исчез в лесу, словно и не было его вовсе.

Вяз Дубрович оценил, одобрительно кивнув. Он, правда, не знал о планах Олека насчет Светлолики, но подумал, что, если удастся свести парочку вместе, брак может выйти очень и очень удачным. Валсидал же пригорюнился. Ему предложить оголодавшей ведьме было нечего. А ведь он почти сделал из нее упырицу... и в ответ никакой признательности. Люди вообще на диво неблагодарные создания. Да, упыри — создания ночи, питаются кровью и привязаны к своему создателю, зато они обретали бессмертие, а это несомненный плюс. Хотя насчет еды имелись у него некоторые идеи. Вампир до того возгордился, что чуть не упал с дерева, но в последний момент удержался. Если верить легендам, лешие — народ суровый.

Ведьма покинула поляну примерно через девять дней. Тот факт, что она умудрилась провести столь долгий срок без воды и еды, вызывал в наблюдателях за общением с тотемом искренний интерес, а в вампире откровенную зависть. На охоте ему решительно не везло, и Валсидал опасался, что впадет в спячку. В этом свете на Лютого он смотрел уже с гастрономическим интересом. Впрочем, на вервольфах девятидневное воздержание тоже никак не сказалось. Разумеется, и Олек, и леший, и вампир покидали свой пост не единожды. Вампир пытался перекусить, но смог изловить только влюбленного ежа, чья более шустрая подруга благополучно успела сделать ноги. Добывание крови из колючего зверя больше походило на акт садомазохизма, чем полноценную еду. Валсидал больно исколол себе руки, ноги, губы, полночи со слезами на глазах выдергивал из самых неожиданных мест застрявшие иголки, и все ради мизерных трех глотков крови. После такого жалкого ужина, кроме досады и чувства вины перед усекновенным зверьком, он ничего не испытывал. А в желудке

словно поселилась какая-то воронка, действительно требующая пищи и противно сосущая внутри.

— Ну как? — Вяз Дубрович даже слегка подался вперед от любопытства, что степенному лешему было не свойственно. — Объяснила она, куда девать оборотней?

Светлолика смерила Олека задумчивым взглядом светло-серых, с зелеными искорками глаз, словно подзревала двуипостасного в излишней болтливости. Вожак ответил спокойным взглядом, отчего девушка стала подозревать его еще больше.

— Не совсем, — задумчиво молвила она и предъявила заинтригованному лешему внушительного вида фолиант в обложке из тисненой кожи неизвестного происхождения с массивными золотыми застежками по бокам. — Она дала мне это... ну, как это называется...

— Знаменитая волчья книга! — любезно подсказал Валсидал, свешиваясь со своей ветки, чтобы рассмотреть раритет поближе.

И тут же огреб фолиантом по заинтересованной занимательным чтивом физиономии, ухнул от боли и убрался на дерево повыше от греха подальше.

— Нет. Серебряная сказала, что это... енструкция по эксплуатации. Вот.

— Инструкция по эксплуатации, деревня! Ведьма ты темная! Сначала читать научись, а уж потом драться начинай, — обиженно прокомментировал вампир с безопасного расстояния. — Книжки пишут, чтобы читали и знаний набирались, а не били людей по лицу.

— А ты не человек, — напомнил Олек, прикидывая, имеет смысл слазить наверх и проучить наглеца или же подождать до удобного случая, когда ведьмы с ними не будет.

Женщины народ жалостливый. Это волчицы выбирают самого сильного самца, а человеческие самки сна-

чала пожалеют какого-то доходягу, а потом всю жизнь с ним мучаются.

— Это к делу не относится, — фыркнул Валсидал.

— А я слышала, что иногда знания крепко вбивают в головы учащихся, — задумчиво протянула Светлолика, демонстративно взвешивая увесистый том в руках на предмет метания его в зарвавшегося кровососа.

Вампир прикинул расстояние. На первый взгляд не так-то просто добросить. А с другой стороны, ведьма же. С нее станется.

— Ладно-ладно. Читайте или просто разглядывайте картинки. Мне-то какое дело? — уронил он и как бы невзначай полез повыше, почти на самую верхушку.

— М-да, — протянул леший, поскреб веткой зазеленевшую по-весеннему шевелюру. — Таковую книжку, пожалуй, до седых волос читать будешь, да и внукам много нечитанных страниц останется.

В это время Валсидал пришел к выводу, что неплохо бы воспользоваться нерешительностью соперника и взять инициативу в свои когтистые руки. Пока двупостасный занят разглядыванием научного труда, предложенного к прочтению ведьме, он, как истинный кавалер, успеет раздобыть для нее прекрасный обед, раз на романтический ужин рассчитывать не приходится. Вампир осторожно перебрался на соседнее дерево. Благо ветки касались друг друга.

Лютый пришел точно к такому же выводу. Рывкнув вервольфицам, чтобы не спускали глаз с ведьмы (оборотню, вечно крутящемуся возле девицы, он совершенно не доверял), а сам отправился на поиски съестного.

Боевой маг Флоднэг и его однокурсник полуэльф Т мирно сидели на одной из многочисленных полян Безымянного леса возле уютно потрескивающего пламени костра, на котором аппетитно булькала наваристая каша с мясом. В отличие от светлых эльфов, темные

вполне себе употребляли животную пищу, да и половина крови Т была человеческой, так что он не испытывал угрызений совести, подстрелив парочку зайцев на обед. Кашеварил тоже он, добавляя в кашу разнообразные травы, отчего от будущей трапезы шел просто умопомрачительный запах, заставлявший желудки голодных магов замирать в мучительном предвкушении трапезы.

— Может, уже готово? — судорожно сглотнул набравшую слюну Флоднег.

Т ответил непреклонным взглядом пронзительно-зеленых глаз.

— Терпение, мой друг, является неоспоримой добродетелью людей, а магов в особенности, — назидательным тоном молвил он, отчего Флоднегу до зуда в руках захотелось дать полуэльфу знатный подзатыльник и посмотреть, насколько у того хватит добродетели, чтобы не ответить тем же.

Что Т безропотно стерпит сей произвол, у Флоднега были большие сомнения. Оставалось только оттачивать внутреннее совершенство вдумчивой медитацией на еду.

В это время на поляну к магам осторожно, практически полуползком выбрался серый вервольф с рваным ухом.

— Лютый! — воскликнул пораженный Флоднег, но что дальше предпринять, не знал.

Попытаться погладить? Без руки можно остаться запросто. Подозвать? Так Лютый и раньше людей не особо жаловал, и сейчас может неправильно понять. «Надо было попросить Т захватить запасной ошейник подчинения, — с тоской подумал он. — Как же теперь вервольфов водворять в родную стаю?»

Т так и застыл с черпаком, которым только что помещивал аппетитное варево, тоже не понимая, как следу-

ет себя вести с диким на вид экземпляром, решившим вдруг поиграть в домашнего любимца.

Лютый же униженно лег на пузо, пополз, виляя хвостом и преданно заглядывая в глаза мужчинам. Т вздрогнул, Флоднег чуть не перекрестился, шокированный миролюбивым настроением прежде всегда свирепого зверя. Стараясь не делать резких движений, Флоднег осторожно поднялся на ноги и стал отступать к деревьям, рассчитывая быстро влезть, если вервольф внезапно кинется. Т был умным, глупые полукровки редко выживают, потому воткнул черпак в кашу, с точностью повторил маневр наставника вервольфов и только потом спросил:

— Что это с ним?

— Думаю, бешенство, — потрясенно выдавил Флоднег. — Проклятый Безымянный лес! Какой генофонд гибнет!

Т ошарашенно кивнул, не выпуская, однако, из поля зрения странно ведущего себя зверя. Вдруг кинется? С этими оборотнями держи ухо востро.

— А почему у него пены нет? Нам в академии говорили, что у бешеного животного всегда пена капает. — Полуэльф осторожно попробовал ствол ближайшего дерева на прочность и остался доволен результатом. Выдержит его и вервольфа, хотя последнего лучше бы не надо.

— Зато сам к людям идет... Верный признак.

Лютый же между тем, видя, что маги не спешат принимать его в свою тесную компанию, совершенно не расстроился, а поравнявшись с костром, осторожно сцапал палку с висящим на ней котелком, из которого одинокой свечой торчала ручка черпака, и ленивой трусцой покинул поляну.

— Он нас ограбил! — то ли восхитился, то ли расстроился Флоднег.

— Да-а, ловко провернул, ничего не скажешь, — подтвердил Т.

— Вот смотрю я на вас и удивляюсь, — раздался за спиной вкрадчивый, с придыханием голос, заставивший мужчин синхронно подпрыгнуть. — Вроде бы боевые маги, дипломированные специалисты... А позволили увести обед какой-то бродячей шавке-переростку. Стыдно за вас, господа. Очень стыдно!

— А ты сам кто? — ошарашенно поинтересовался раскритикованный Флоднег, жалея, что не догадался даже сотворить боевой пульсар.

— Кто-кто? — мерзким голосом передразнил неизвестный. — Вампир в пальто.

— Вампир?! — дружно обрадовались маги. — Тебя-то нам и надо!

В руках у мужчин синхронно возникли фаерболы.

— Ой, а чего это вы? Зачем же так бурно реагировать на критику? Я вовсе не хотел вас обидеть! — испуганно взвизгнул Валсидал, прикинув, чем грозит ему сплоченная атака пары магов, и ринулся сквозь кусты, не дожидаясь демонстрации боевых возможностей.

— Куда?! — синхронно крикнули мужчины и кинулись следом.

Возглавив забег, вампир в очередной раз проклинал свой язык и заодно неудавшуюся упырицу, из-за которой все время приходится убегать.

Олек готов был рвать волосы на себе, а лучше, конечно, на наглom вервольфе, когда Лютый бесшумно вынырнул из чащи и с гордым видом добытчика вручил ведьме котелок с кашей. Над едой поднимался ароматный парок, а из середины торчала ручка черпака. «Обо всем позаботился, зараза, — закручинился двупостасный. — И главное, где стащил, морда хитрая? Не сам же он умудрился такое сварганить?» Светлолика не могла нарадоваться подношению, не скупилась на похвалы и

все время почесывала зверя за ухом. Вяз Дубрович пригвоздил укоризненным взором вождя двуйпостасных, отчего Олеку отчаянно захотелось провалиться на месте, и демонстративно похвалил вервольфа:

— Какой он у тебя, однако, молодец!

Светлолика просияла, словно интеллектуальные способности вервольфа были целиком ее личной заслугой.

— Да, он замечательный. Может, пойдем куда-нибудь перекусим? Что-то есть хочется.

Употреблять пищу прямо на поляне почему-то казалось сродни святотатству.

— Немудрено. Девять дней без воды и еды — это вам не кабан чихнул, — авторитетно заявил леший.

— Девять дней? — ахнула ведьма. — У меня ж дома коза не доена!

И помчалась по направлению к дому, умудрившись безошибочно найти тайную тропу, на которую без лешего выйти практически невозможно. Следом рванули вервольфы.

— Куда, заполошная? — крикнул в спину Вяз. — У тебя же там кот на хозяйстве остался!

Но Лика уже не слышала воплей лешего.

— Эх, молодость, молодость! — махнул сучковатой рукой он, вспоминая нечто далекое и настолько приятное, что на зеленой шевелюре один за другим стали распускаться белые крупные цветы.

Воспользовавшись паузой, Олек решил было откланяться, но тут Вяз вынырнул из сладкого царства грез и воззрился на вождя пронзительными зелеными глазами.

— Ты бы поухаживал за девкой, что ли, — не то подумал вслух, не то просто так предложил он.

Оборотень смущенно потупился, шаркнул по земле ножкой, обутой в сапог, и выдал тяжелый вздох:

— Так как за ней ухаживать-то... ведьма же.

— Ага. А ты весь такой белый и пушистый, — скептически проскрипел леший. — Или ты того? Суеверный?

— Да нет вроде, — пожал плечами оборотень. — Просто с волчицами проще как-то.

Вяз иронично хмыкнул.

— А с девкою обычной все сложно? Цветов ей подари. Меду там какого, сладостей. Девки, они страсть как сладкое любят, — посоветовал он.

— А зачем ей цветы? — опешил Олек. — Их на любой поляне полно, чай, в лесу живем. А от сладкого только зубы портятся.

Леший понял, что и тут, наверное, Светлолике ничего не светит. Очень уж запущенный случай.

— Эх, вожак! — вздохнул леший. — Нет в тебе енто... романтизму. Ты думаешь, девкам от тебя цветы нужны?

— А разве нет? — совершенно запутался оборотень. — Если растения ей ни к чему, зачем же тогда их дарить?

— Внимание ей от тебя нужно, вот что. — Для пущей доходчивости Вяз даже постучал по лбу двуипостасного пальцем-веткой. — Она должна заботу твою ощущать.

— Вон оно что... — поразился Олек. Впрочем, волчицы тоже любили, когда будущий муж показывал себя хорошим добытчиком и рачительным хозяином еще до свадьбы.

Это был не последний показатель при принятии двуипостасной решения, нужно ли заводить от такого волчат или нет.

Светлолика зря волновалась о недоеной козе. Ее черный кот выгодно отличался от местных мурлык не только наличием имени с отчеством вкупе с даром человеческой речи, но еще и деловитостью. Маньку Доррофей Тимофеевич доил регулярно (молоко он и сам

любил), таскал для нее сено из прошлогодних стожков селян и даже позволял немного пастись на активно пробивающейся травке, справедливо рассудив, что такую заразу двурогию ни одна нежить не схарчит, повезет, если сама нечисть ноги унесет. Так что в отсутствие ведьмы кот поживал неплохо, а на досуге занимался разбором на диво захламленной кладовки, злорадно предавая явно ненужное хламье огню. Как в такое маленькое на вид помещение может вместиться столько вещей, оставалось загадкой, но костер горел все девять дней не переставая. Измотанный генеральной уборкой кот не менее двадцати раз собирался махнуть на все лапой, но стискивал волю в когтистый кулак и продолжал разгребать авгиевы конюшни. Волею случая проходящие мимо селяне видели непрерывно горящий огонь, вздрагивали, истово крестились, стараясь пробежать побыстрее. И потом ставили в храме свечку, радуясь, что ведьма их не заметила. А то мало ли что затевает разобиженная на селян лесная отшельница.

Как ни странно, у уборки имелись и плюсы. Например, в самом неожиданном месте в кладовке обнаружилась старая тетрадь в зеленом кожаном переплете с записями матери Светлолики, Льессы. Несколько дней Дорофей фырчал, ерошил пушистый черный хвост, расшифровывая затейливые закорючки, местами налезавшие друг на друга, а где-то и вовсе настолько неразборчивые, что ими хорошо секретные послания шпионам в сопредельные государства писать. Ни свои, ни чужие ни в жизнь не догадаются, что имелось в виду — зато шифр изобретать не надо.

— Кто же так пишет?! — патетически восклицал кот, возводя голубые глаза к потолку, но и там не находил ответа на поставленный вопрос.

На потолке виднелась паутина; пара юрких паучков слаженно трудилась над ловчей сетью, не покладая лап.